

Всеволод Соловьев

ЖЕНИХ ЦАРЕВНЫ

T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
С60

Соловьев, В. С.

С60 Жених царевны / В. С. Соловьев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM. — 334 с. — (RUGRAM-КЛАССИКА).

ISBN 978-5-519-72847-8

В нашем новом проекте вы найдете как книги из «золотого фонда» классической русской литературы, так и редкие, почти забытые, произведения авторов, оставшихся в тени своих великих современников. Эти книги не утратили самобытной актуальности, сегодня, как и сто лет назад, они определяют пути русской культуры, ищут ответы на «проклятые вопросы».

Без этих книг невозможно понять кто мы, кем мы были, куда движемся. Мы отобрали для вас самые важные тексты русских классиков, представили их в наиболее полных редакциях, без каких либо сокращений и цензурных изъятий, и составили серию RUGRAM-КЛАССИКА.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-72847-8

© Т8 RUGRAM, оформление, 2021
© Т8 Издательские технологии, 2021

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	155
ЭПИЛОГ.....	327

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Ранний зимний вечер уже давно наступил, и в царицыном тереме по всем покоям и переходам зажглись огни. Мама царевны Ирины Михайловны¹, княгиня Марья Ивановна Хованская, сидела у себя в опочивальне. Она только что пришла от царицы после долгой и весьма важной беседы и теперь крепко пораздумалась. На некрасивом и уже давно поблекшем лице ее, освещенном, однако, большими и добрыми голубыми глазами, читалось необычайное смущение.

Женщина она была спокойная, рассудительная, ко всему. Что творилось вокруг нее в этом обширном чело-

¹ По обычаю того времени, при рождении младенца в царской семье для него выбиралась кормилица, а также назначались мамы и дядьки, следившие за воспитанием ребенка в первые годы жизни. Романова, Ирина Михайловна (1627—1679), царевна, старшая дочь царя Михаила Федоровича.

веческом муравейнике, носившем название царского терема, она относилась всегда без волнения и редко что принимала к сердцу. Но сегодняшняя беседа с царицей Евдокией Лукьяновной выходила из ряда вон. Было над чем подумать и чем смутиться.

Княгиня временами начинала даже шептать что-то почти вслух, с недоумением качала головою и разводила руками. Низенькая дубовая дверь опочивальни скрипнула.

— Кто там? — очнувшись, спросила Марья Ивановна.

— Это я, матушка-княгинюшка... Дозволишь войти на малую минутку али недосуг тебе? — послышался знакомый голос.

— Войди, ничего, войди, Настасья Максимовна! — сказала княгиня.

Дверь отворилась и пропустила небольшую, плотную еще не старую женщину. Это была одна из царицыных постельниц, пользовавшаяся, несмотря на свой не слишком важный чин и всем ведомое худородство, большим значением и влиянием в тереме.

— Что скажешь, матушка?... Присядь-ка! — указала княгиня рядом с собою на низенькую скамью, покрытую мягким стеганым тюфячком.

— Спасибо, княгинюшка, рассаживаться недосуг — где уж тут, дел-то с этими негодными людишками полон рот, от заутрени до заутрени не справиться... я всего на одно слово зашла...

— Что такое, Настасья Максимовна, али по терему неладно?

— Да все Машутка, то есть вот никакого, никакого с ней сладу... Моченьки моей нету с этой девчонкой! — проговорила Настасья Максимовна с таким негодованием, какого даже нельзя было и ожидать от ее дышавшей добродушием фигуры.

— Что же такое еще натворила твоя Машутка? Разбила али попортила что-нибудь царевнино? — с недовольной улыбкой спросила княгиня.

— Какое там разбила! Этим стала бы я тебя тревожить! Не мое дело ее черепки считать... Во сто крат хуже, княгинюшка!.. Ты ведь от царицы... запершишь с нею была... о деле каком, видно, толковали... Вот вхожу я в Царицыну опочивальню, нынче-то мой наряд, да как вошла, вижу: занавеси-то будто и шевелятся. Кошка, думаю, забралась, — ну как, не ровен час, да государыню-то ночью напугает! Тихим шагом я к занавеске, ан глядь, то не кошка, а Машутка-негодница притаилась. Я ее за ухо и вытащила. Ты что это, мол, дрянь девчонка, говорю, как это ты сюда забралась, что это ты, говорю, за государыней подслушиваешь? Да тебя за такие дела убить, говорю, мало! А она-то: глядит на меня своими бесстыжими глазищами и хоть бы сморгнула. Воля твоя, говорит, убей ты меня, Настасья Максимовна, а подслушивать у меня и в мыслях не было, да ничего и не слыхала. Как сюда, говорит, забежала, сама не ведаю — дверьми обо-

зналась. Вижу, говорит, государынина опочивальня, дух у меня захватило со страху, а тут дверь скрип, я и за занавеску... Ведь вишь, что выдумала!.. И не сморгнет я ее держу за ухо, крепко держу, а она во все глаза на меня, ровно истукан какой... Ну, сама посуди, княгинюшка, ну что ж с этим зельем теперь делать?!

Княгиня задумалась.

— А может, девчонка и не врет, — сказала она, — бес в ней сидит, это верно, ровно коза она скачет, ровно волчок вертится... Может, и точно, забежала зря в опочивальню да со страху, как ты вошла, за занавеску и спряталась... мудреного тут нет...

Настасья Максимовна вся так и побагровела.

— Ну... и ты, княгинюшка, вместе с царевной ее покрываешь! — воскликнула она, разводя руками.

— Не покрываю, а ведь что же... не убивать же ее, сиротинку! Ну, накажи ее как знаешь...

— Что мне ее наказывать, ухо-то у нее я крепко подержала, а только сил с нею нету, от рук она отбилась; как что, сейчас к царевне, а та за нее горой... Но только, ежели я на таком подслушивании ее накрыла, могу ли я умолчать перед тобою? Должна я о том тебе доложить али нет?

— Вестимо, как не сказать... Ну вот я Машутку и поспрошаю... там видно будет...